

УДК 94(4)«13»+94(510)«13»+913(5)

Д. В. Возчиков*Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия*

**«Провинция, где много земель и селений»:
Китай в представлении венецианского дипломата
и флорентийского купца первой половины XIV в.**

В статье рассматриваются представления о Китае, характерные для торговой и интеллектуальной среды итальянских республик первой половины треченто, запечатленные в очень различных по жанру сочинениях двух современников-итальянцев: венецианского дипломата Марино Санудо Старшего и флорентийца Франческо Бальдуччи Пеголотти, торгового агента дома Барди. Оба автора пользовались вторичной информацией о Восточной Азии, видели в Китае далекую, богатую и густонаселенную страну, однако практически не рассматривали Китай и китайцев вне контекста монгольских завоеваний или торговых маршрутов, проходивших по государствам Чингизидов.

Ключевые слова: Венецианская республика; Флоренция; Pax Mongolica; образ Китая на Западе; ориентализм; позднее Средневековье; средневековые путешествия; торговля в Средние века.

D. V. Vozchikov*Ural Federal University,
Ekaterinburg, Russia*

**“A province that abounds in lands and settlements”:
China as perceived by a Venetian diplomat and a Florentine
merchant of the first half of the 14th century**

The article observes the perceptions of China, which were common among the commercial and intellectual milieus of the Italian republics in the first half of the Trecento, reflected in two texts of very different genres: “The Book of the Secrets of the Faithful of the Cross” by the Venetian dignitary and diplomat Marino Sanudo the Elder and “The Practice of Commerce” by the Florentine commercial agent of the House of Bardi Francesco Balducci Pegolotti. The Venetian and the

Florentine both relied on secondary information on East Asia, they both considered China as a far, wealthy and populous country, however, they hardly could view China and the Chinese beyond the context of the Mongol conquests or the trade routes, which passed through the Chingissid states.

Keywords: Republic of Venice; Florence; Pax Mongolica; Western image of China; orientalism; Late Middle Ages; medieval voyages; medieval trade.

Видный итальянский и американский медиевист Роберто Сабатино Лопес охарактеризовал экономические связи между Китаем периода империи Юань и современными ему городами Северной и Центральной Италии следующим образом: «Пока еще это не был “единый мир”, однако расстояния более не были непреодолимыми препятствиями для функционирования единого механизма причинно-следственных связей в экономике» [1, р. 76]. Существование Pax Mongolica XIII — первой половины XIV в. в целом благоприятно сказывалось на торговых связях между противоположными концами евразийской ойкумены, а также на информированности разных цивилизаций друг о друге. Через европейских монахов и купцов XIII в., отправлявшихся во владения монгольских ханов, в Европу впервые проникают сколько-нибудь достоверные сведения о Китае. В первой половине XIV в. далекий «Катай» уже основательно утвердился на ментальной карте европейцев. Значительный интерес для исследователя ойкумены XIV в. представляют взгляды на Китай, отраженные в сочинениях представителей интеллектуальной и торговой среды итальянских городских республик, в частности, двух современников-итальянцев венецианского дипломата Марино Санудо Торселло и флорентийского торгового агента Франческо Бальдуччи Пеголотти. В отличие от Марко Поло или Одорико Порденоне, ни Санудо, ни Пеголотти не бывали в Восточной Азии, и их представления о Китае носили опосредованный характер, однако само это обстоятельство дает возможность проследить пути укоренения сравнительно новых для европейцев сведений о Китае и Восточной Азии в целом в Италии периода треченто.

Купец, искусный дипломат и историк-энциклопедист Венецианской Республики Марино Санудо Торселло (ок. 1270 — 1343), также именуемый в историографии Марино Санудо Старшим, был автором проекта крестового похода против мамлюков-бахритов Египта, адресованного папе и изложенного в обширном историко-географическом трактате «Книга тайн верных креста» (1307—1321), представлявшем собой один из самых ранних западноевропейских опытов обобщения истории Востока и одно из наиболее значительных энциклопедических сочинений XIV в. [2]. Венецианец основывал амбициозный план создания *Rex Veneziana* за ширмой всехристианского крестового похода против могущественного и обширного мамлюкского султаната, к которому он предлагал привлечь «черных христиан Нубии» и иранских Хулагуидов, на солидной информационной базе о торговле и географии всего Ближнего Востока, он также привлекал сведения о Центральной, Южной и Восточной Азии.

Итальянские купцы и, в частности, граждане морских республик Венеции и Генуи, несомненно, не раз посещали империю Юань и после Марко Поло, причем имеются достоверные свидетельства длительного проживания итальянских торговцев с семьями в крупнейших торговых центрах Китая. В частности, в Янчжоу были найдены могильные плиты 1342 и 1344 г., принадлежащие, соответственно, Катерине Виллиони (с изображением мученичества св. Екатерины работы местного мастера) и Антонио Виллиони, дочери и сыну Доменико Виллиони — вероятно, венецианского [3, с. 51—53] или, по предположению Р. Лопеса [4, р. 172], генуэзского купца. Никаких собственных развернутых рассказов о Китае члены семьи Виллиони не оставили и, по-видимому, не видели в этом никакой нужды. В тексте Марино Санудо Китай (Катай, *Catay*) упоминался лишь в связи с монгольскими завоеваниями. Хубилай (1260—1294), по представлению автора, «правил татарами сорок два года, он был христианином и в царстве Катай основал город больше Рима под названием Ионг, в котором до сих пор помнят его» [2, р. 236]. В том же контексте Санудо бегло рассказал о дважды провалившемся походе флота Хубилая в Японию, однако

приписывал его брату Хубилая хану Манго (Мункэ, хан в 1251–1259 гг.) и снабдил вымышленными подробностями: «Манго, муж благоразумный и храбрый в военном деле... подчинил многие провинции и по Катайскому морю отправился завоевывать некий остров, но буря разбила и потопила корабли, и он утонул вместе со многими, и наследовал ему брат Кобила Хаам» [Ibid., p. 263]. Сведения о походе Мункэ против империи Южная Сун, закончившемся в 1259 г. смертью хана во время затяжной осады Хэчжоу в Сычуани [5, p. 954], перемешаны в тексте со столь же фрагментарными данными о неудавшихся юаньских морских экспедициях в Японию в 1274 и 1281 гг.

Британский исследователь П. Лок отмечает, что венецианский автор, хотя и был весьма начитан, ни разу не ссылаясь на своего соотечественника Марко Поло [6, p. 8]. Марино Санудо почерпнул много информации о монголах, хотя местами и очень сильно искаженной, из сочинения армянского принца Гайтона (Хетума) «Цветник историй земель Востока» (1307), не упоминая впрямую этого автора [Ibid., p. 6–7]. Близость принца к папской курии и лично к папе Клименту V могла способствовать большой популярности этого сочинения у современников. Сама Киликийская Армения признала власть Байджу, монгольского наместника в Иране, уже в 1243 г. Это, во-первых, на долгие годы определило лояльность царя Хетума, дяди знаменитого принца-историка, который спустя десятилетие лично посетил Мункэ в Каракоруме, по отношению к власти великого хана, а, во-вторых, позволило Киликии избежать опустошительного нашествия и даже отвоевать часть земель у сельджуков Рума [7, с. 159]. По-видимому, сведения Хетума, сильно проигрывающие Марко Поло в достоверности, показали энтузиасту крестового похода заслуживающими доверия постольку, поскольку исходили непосредственно от представителя христианского Востока. В частности, вышеназванные данные про гибель Мункэ в морском походе, про христианство Хубилая и ханскую резиденцию Йонг в тексте Санудо — пересказ венецианским автором аналогичного сюжета из «Цветника историй» [8, с. 260]. Уподобление империи Юань Европе проводится в текстах Гайтона и Санудо

через сравнение города, построенного ханом, с Римом, причем не в пользу последнего по размерам. Положительное в основном восприятие Юаньской державы и китайцев, составлявших большую часть ее населения, было характерно для венецианского дискурса со времен Марко Поло. Возвышение немусульманского Востока — реального или воображаемого — на страницах политического сочинения в данном случае выглядело стремлением найти союзников против мусульманских государств — мамлюкского Египта, Золотой Орды, а также малоазиатских бейликов.

В трактате Санудо шелк (*sericum*) ассоциировался не с Китаем, а главным образом с торговлей в Восточном Средиземноморье: это важный предмет итальянского экспорта в Египет, а также элемент дорогих дипломатических подарков, которыми обменивались мамлюкские султаны и византийские императоры, дипломатическое общение которых, по мнению венецианца, католические государи должны были пресечь морской блокадой [2, р. 32].

Источником изобилия всего Востока, желанной целью венецианской торговли для Санудо была Индия. Санудо утверждал, что Египет получал от стран, подвластных Римской католической церкви, серебро, медь, олово, свинец, ртуть, масло, лесные орехи, шерстяные, шелковые и льняные ткани, кораллы, полотно и другие товары, избыток которых египтяне отправляют в Индию, где закупают перец [*Ibid.*, р. 42]. Экономическое воплощение идеи крестового похода Санудо выражено в переходе на альтернативные торговые маршруты, которые позволили бы Венеции напрямую получать восточное сырье, закупать пряности и роскошные изделия Индии, минуя несговорчивых султанов и эмиров, а затем и в превращении Восточного Средиземноморья в *mare clausum* Венецианской Республики.

Религии Китая, как и народов Таримского бассейна, для автора трактата, по-видимому, сводились к почитанию «идолов»: «... Часть войска Октота (Угэдэя. — *Д. В.*) двинулась на царство Катай, другая же — на царство Тарса, где татары впервые научились письменности и, испорченные примером этого народа, стали чтить идолов, однако бессмертного Бога они предпочитают всем прочим

богам» [Ibid., p. 235]. Татары, по мнению Санудо, почитали единого Бога, сотворившего весь мир [Ibid., p. 241]. В описании направлений экспансии монголов при Угэдэе и верований покоренных ими народов венецианец вновь следовал в основном рассказу Гайтона [8, с. 258]. Санудо ставил традиционную монгольскую религию с ее культом Неба выше того, что он считал простым идолопоклонством, считая последнее привнесенным для них явлением, противопоставляя ее также образу ислама (мусульмане в тексте трактата неоднократно были названы идолопоклонниками). Тарс (Tarsa) — это регион, населенный уйгурами, именно их монголы XIII–XIV вв. называли «тарса» — «христиане» (*от перс. tarsak*) [9, с. 540]. У Гайтона и Санудо к топониму «Тарс» привязано понятие «идолопоклонство» (причем без каких-либо сведений о буддизме и манихействе), а не несторианство, которое усилиями уйгурских миссионеров в XI–XII вв. успешно распространялось среди ряда монгольских и тюркских кочевых народов [Там же, с. 544]. Христианство несторианского толка, впрочем, фигурировало в другой части труда Санудо и приписывалось им части Индии и области легендарного Пресвитера Иоанна, к образу которого венецианец относился достаточно скептически [2, p. 185], однако смычки с топонимом «Тарс» здесь не последовало. Монголы заимствовали именно уйгурский алфавит, и здесь краткие сведения Санудо вполне соответствовали действительности. Тенденция видеть в монгольском культе Неба нечто, хотя бы в некоторых параметрах сходное с христианским монотеизмом, началась с первых попыток конструирования образа монголов в Европе. В сообщении францисканца Джованни Плано Карпини, главы папской миссии к хану Гуюку в 1245–1247 гг., сказано, что татары «веруют в единого Бога, которого признают творцом всего видимого и невидимого», правда, также поклоняются войлочным идолам; хан же явно воспринимался францисканцами в качестве врага и поработителя христиан [10, с. 29, 60]. Рассказ Карпини о китайцах, несмотря на то, францисканец именовал их язычниками, включал, как и его сообщение о монгольской религии, указание на то, что «китай... чтут единого Бога», глава папской

миссии также полагал, что они «уважают Господа Иисуса Христа и веруют в вечную жизнь, но крещения у них отнюдь нет; уважают и чтут наше Писание, любят христиан и творят значительные милостыни» [10, с. 42]. Как отмечает отечественный исследователь А. Г. Юрченко, образ империи, принесенный в Европу францисканцами, которым во время своей миссии приходилось общаться с представителями имперской чиновной и придворной среды, во многом совпадал с политическим мифом самой Монгольской империи — представлением о санкционировании Небом создания всемирного государства [11, с. 16, 23]. Многие десятилетия спустя венецианский сановник продолжал видеть в традиционной монгольской религии почитание «единого Бога», но о культе Неба у китайцев он не писал.

Младший современник Марино Санудо, флорентиец Франческо Бальдуччи Пеголотти (конец XIII в. — 1347 г.), с 1310 по 1340 г. находился на службе у торгового дома Барди, а в конце жизни сделал политическую карьеру, и, вероятно, между 1335 и 1343 гг. написал свой главный труд «Книга описания стран и торговых мер», позднее получивший название «Практика торговли», обобщив огромный по объему справочный материал, собранный им за долгие годы усердной службы [12]. Этот утилитарный, практического назначения труд для купцов в целом написан сухим и лапидарным языком. Китай (Gattaio) упоминается Пеголотти уже в самом начале труда, открывающегося описанием континентальной дороги из Таны (Азова) до столицы империи Юань Даду, или по-монгольски Ханбалык, в итальянизированном варианте у Пеголотти — Гамалекко/Камбалекко (Gamalecco/Cambalecco). Маршрут собственно по Китаю включал путь от Алмалыка (Almalecco) до Камесу (Camesu, Ганьсу или Ганьчжоу, *совр.* провинция Цзянси?) в 70 дней на осле, от Камесу до реки (название пропущено в тексте справочника) в 45 дней на коне, потом по реке до города Кассаи (Cassai, по-видимому, Ханчжоу), причем в этом бойком центре торговли следовало обменять серебро на бумажные деньги (*moneta di carta*, обозначаемая монгольским термином балыш, *balisci*), и наконец дорогу до столицы от Кассаи в 30 дней [13, р. 21].

Флорентиец подчеркивал: «Путь от Таны до Китая — безопаснейшая дорога и днем, и ночью, как считают купцы, пользовавшиеся им» [Ibid., p. 22]. Правда, далее автор предостерегает купцов, что в случае их смерти в дороге все их имущество будет конфисковано чиновниками государя, и только если вместе с купцом ехал его брат либо названный брат, имущество умершего может перейти к нему по наследству. Также испытанные маршруты теряли обычную безопасность для франков (Пеголотти указывал, что так именовали всех христиан из территорий, расположенных западнее Романии (здесь — Византии. — *Д. В.*)) в случае смерти очередного «синьора» и наступления периода междоусобицы [Ibid.]. «Катай — это провинция, где много земель и селений. Среди прочих есть один город, а именно столица, где находят прибежище купцы и где ведется очень оживленная торговля. Этот город называется Канбалекко. И указанный город имеет сотню миль в окружности, он изобилует людьми и зданиями, населен многими жителями» [Ibid.].

Бумажные деньги в справочнике Пеголотти фигурируют отнюдь не как очередная восточная диковинка, но как деталь повседневности, с которой любому купцу, приехавшему в Китай, неизбежно придется иметь дело. «Синьор» Катая, согласно Пеголотти, забирал серебро, привозимое иноземными купцами, взамен предоставляя бумажные деньги трех видов с печатью, причем принимать эти деньги обязаны были по всей державе, и, пользуясь бумажными деньгами, купец не переплачивал за товар [Ibid., p. 22]. «За эти деньги, — сообщалось в справочнике, — можно приобрести шелк (*seta*) и любой другой товар, который только пожелаете купить» [Ibid., p. 23].

В Китае начались с периода Южной Сун и продолжились уже при монголах значительное усовершенствование в технике прядения и разработка новых специализированных разновидностей ткацких станков [3, с. 100–102]. Однако итальянцев интересовало в первую очередь сырье. Наиболее прибыльным и, пожалуй, наиболее массовым товаром из Китая и вообще с Востока, поступавшим в годы расцвета *Rex Mongolica* на рынки итальянских коммун, был шелк-сырец, доступный итальянским производителям тканей,

по несколько преувеличенному выражению Р. Лопеса, в «практически неограниченных количествах» [1, р. 76]. Однако в грузах шелка-сырца, поступавшего в генуэзскую Кафу в конце XIII в., согласно актовым источникам, преобладала продукция шелководческих центров Центральной Азии; китайский же шелк, поскольку кондичии китайской полуфабрикатной шелковой продукции снижались по мере дальности транспортировки, пользовался не лучшей репутацией у европейских потребителей сырья и ценился меньше, чем хорезмийский или согдианский, что отразилось в каламбу-ре «seta cataya — seta cattiva» («китайский шелк — дурной шелк») [14, с. 75]. Пеголотти прямо сообщал, что качество шелка-сырца (seta cruda) ухудшалось по мере расстояния, на которое его перевозили, шелк истирался в пути, поэтому китайский шелк и ценился менее, чем шелк из других, менее удаленных от Италии регионов [13, р. 382].

Труды Санудо и Пеголотти демонстрируют определенную смежность дискурсов двух сред о Востоке — интеллектуальной и торговой, их авторы успели переменить за жизнь несколько важных ролей в социуме итальянских коммун. В целом тексты двух современников-итальянцев, относящиеся к совершенно разным жанрам, в отраженных в них представлениях о Китае сходились в неотделимости образа Китая от широкого контекста мира Чингизидов, хотя в момент написания обоих источников дни Pax Mongolica были уже сочтены.

1. *Lopez R. S.* China Silk in Europe in the Yuan Period // *J. of the Am. Oriental Society*. 1952. Vol. 72, no. 2. P. 72–76.

2. *Sanuti Torselli Marini*. Liber secretorum fidelium crucis / ed. Bongarius. Hannover, 1611. 282 p.

3. *Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В.* Этническая история китайцев на рубеже средневековья и нового времени. М., 1987. 312 с.

4. *Lopez R. S.* Trafegando in partibus Catagii: altri genovesi in Cina nel Trecento // *Su e giù per la storia di Genova*. Genova, 1975. P. 171–186.

5. *Cambridge History of China*. Vol. 5. The Sung Dynasty and Its Precursors, 907–1279. Part 1 / ed. by D. Twitchett and P. J. Smith. Cambridge ; N. Y., 2009. XXXII, 1095 p.

6. *Sanudo Torsello Marino*. The Book of the Secrets of the Faithful of the Cross / transl. by P. Lock. Farnham, 2011. 475 p.
7. *Шукуров Р. М.* Великие Комнины и Восток (1204–1461). СПб., 2001. 448 с.
8. *Гайтон*. Цветник историй земель Востока / пер. Н. С. Горелова // Книга странствий. СПб., 2006. С. 217–274.
9. Восточный Туркестан в древности и раннем Средневековье : Этнос, языки, религии / под ред. Б. А. Литвинского. М., 1992. 687 с.
10. *Плано Карпини Джованни*. История Монгалов, именуемых нами Татарами / пер. А. И. Малеина // Джованни дель Плано Карпини. История Монгалов. Гильом де Рубрук. Путешествие в Восточные страны. М., 1957. С. 67–84.
11. *Юрченко А. Г.* Империя и космос : Реальная и фантастическая история походов Чингисхана по материалам францисканской миссии 1245 г. СПб., 2002. 640 с.
12. *Soldani M. E. Pegolotti, Francesco di Balduccio* // Dizionario Biografico degli Italiani. 2015. Vol. 82 [website]. URL: [http://www.treccani.it/enciclopedia/francesco-di-balduccio-pegolotti_\(Dizionario-Biografico\)/](http://www.treccani.it/enciclopedia/francesco-di-balduccio-pegolotti_(Dizionario-Biografico)/) (mode of access: 10.09.2017).
13. *Pegolotti Francesco Balducci*. La Pratica della mercatura / ed. by A. Evans. Cambridge, 1936. LIV, 444 p.
14. *Еманов А. Г.* Север и Юг в истории коммерции: на материалах Кафы XIII–XV вв. Тюмень, 1995. 225 с.

УДК 339.542.22+338.22

М. З. Гибадуллин, А. Р. Нуриева
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Казань, Россия

Российско-китайские торговые связи после подписания Петербургского договора 1881 г.

Статья посвящена характеристике российско-китайских торговых отношений после подписания Петербургского договора в 1881 г. Рассматриваются общее содержание и характер торговых контактов двух стран, основные территориальные направления и объемы российско-китайской торговли. Раскрываются причины,